

Встреча с интересным
человеком

Семьдесят киноролей, несчетное количество ролей в театре, на радио, на телевидении и эстраде. За ними годы кропотливого труда и поисков, годы, принесшие самую высокую награду артисту — признание зрителей. Сегодня наш собеседник —

народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, ведущий актер Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя

Борис Петрович ЧИРКОВ

БЫТЬ ПРИЧАСТНЫМ К ДВИЖЕНИЮ ЖИЗНИ

— Борис Петрович. Позвольте прежде всего спросить вас, как вы отнеслись к нашему предложению встретиться и побеседовать с вами? Видимо, таких бесед было немало в вашей жизни...

— Конечно же, много. И все-таки я рад искренне этой встрече с читателями «Ленинского знамени». Приятно еще раз погрузиться в воспоминания, поговорить, может быть, о самом главном в своей работе, в своей жизни. Чем старше становится человек, тем чаще тянет его побродить по дальним тропинкам своей памяти.

— Итак, что же особенно вспоминается вам в начале той, как вы сказали, «тропинки памяти»?

— Родом я из городка Нолинска на реке Вое, что в Кировской области. Откровенно говоря, подзабывать его стал. Но вот хорошо запомнилось участие в детском спектакле «Спящая царевна». Меня нарядили в красную рубашку из толстой цветной бумаги, жженой пробкой подвели брови, нарисовали усы, зацепили за уши веревку, к которой была привязана длинная пеньковая борода. На голову нахлобучили самодельный лохматый парик из того же материала. И, оглядев, довольно сказали: «Вот и готов Гном!».

Меня в компании мальчишек вытолкнули на сцену, шепнув, чтобы мы затеяли хоровод вокруг Царевны. У каждого в руке зажженная свеча. Я был так увлечен этой церемонией, что свечка стала дрожать в моей руке, прикоснулась к пеньковым кудрям шагавшего передо мной гнома. Дыма и потрескивая, они загорелись. Вскрикнул кто-то из зрителей, в кулисах зашумели. Царевна приоткрыла глаза и не ожидая, когда ее разбудит Принц, прыгнула со стола.

Поджигателя стукнули по затылку, и под его громкий рев закончилось представление. Так что первая моя встреча с театром оказалась неудачной.

— И что же, с театром в Нолинске было покончено?

— Нет. Я учился в реальном училище. Как-то пришли к нам кружовцы из Народного дома. Созвали на перемене ребят из старших классов и сказали: «Выручайте! Кто у вас лучше всех подсказывает?». Ответ последовал немедленный и единодушный: «Борька Чирков!» Из задних рядов меня вытолкнули вперед. И тогда предложили мне заменить заболевшего суфлера на премьерные пьесы Островского «Гроза».

На репетиции я старался очень — так хотелось приобрести к театральному чуду. Меня похвалили исполнители, одобрил режиссер. Испытание выдержал.

На следующий день пришел задолго до спектакля. Вот колыхнулся и пошел в стороны занавес. Началось чудо театра. Смотрел на актеров и сознавал, что ведь теперь они накрепко связаны со мною; я заранее знаю, что им надо будет делать в следующую минуту, какие слова придется сказать. Но я не только знал их слова, а разделял и их чувства. Некоторые персонажи пьесы оказались близкими, дорогими мне людьми. Поэтому не мог я оставаться равнодушным под сказочником — все горячее и горячее шептал нужные слова. Даже высунулся по грудь из своей крепости. Голос мой окреп и уже явственно был слышен не только исполнителям, а и аудитории. Актеры смущались: из помощника я становился их врагом, мешал им, навязывал свое исполнение каждой реплики. Зрители же удивлялись: для чего это исполнителям нужно повторять текст, который они уже ясно слышали из суфлерской будки. Потом они, зрители, могли наблюдать, как внезапно посередине спектакля закрылся занавес и несколько рук потянули к себе что-то тяжелое. Это был я...

Потом меня потянуло в большую жизнь.

— И как реализовалась эта тяга?

— Хотелось ехать учиться. Куда? Да не все ли равно. В Москву, в Петроград — там установилась новая жизнь. Все, что казалось прежде незбытым, менялось, переделывалось заново. Надо было ехать в огромный, бесподобный мир, где происходили невиданные перемены.

И вот осенью двадцать первого года мы, нолинские парни, целой компанией поступили в Петроградский политехнический институт. Все мои приятели занимались успешно, а у меня времени на учение не хватало: бездельно мной открылся разнообразнейший мир искусства,

что инженер из меня не получится.

К великому счастью, мне удалось поступить в Институт сценических искусств. Не гладко и не спокойно пошла моя жизнь дальше. В трудах до пота, в еде не досыта, с малыми достижениями, с частыми срывами и провалами, но полная надежд на то, что уж теперь-то иду по верному направлению.

— Уже во времена студенчества у вас, видимо, были попытки сыграть на настоящей сцене?

— Помню, предложили мне сыграть маленькую роль полицейского в спектакле с участием популярного в те годы петроградского актера Самарина-Эльского. Пьеса о событиях девятьсот пятого года. И вот мне пришло в голову попробовать держать себя так, как это делал бы настоящий полицейский в этой обстановке. Наверное, думал я, он не впервые присутствует при обысках, наверное, его несколько не занимает объяснение этих двух чужих и непонятных ему людей. И от скуки он оглядывает все помещение, подвигается все ближе и ближе к вешалке, на которой висят пальто людей, собравшихся на тайную сходку, разглядывает одежду, щупает — хорош ли материал, сравнивает с тем, что у него на шинели.

Я разыграл эту сцену. Ответом был смех в зале. Но тут я увидел красное, разъяренное лицо Самарина-Эльского, его негодующие глаза, его шипение в мой адрес отнюдь не по роли: «Пошел прочь, скотина!».

— Недавно в одной из телевизионных программ мы увидели смешной, темпераментный танец-пародию на известных когда-то комедийных киноактеров Пата, Паташона и Чаплина. В образе Паташона мы узнали вас, Борис Петрович. Как и когда появился этот танец?

— Да все в те же студенческие годы. Танец сложился не сразу. Поначалу просто Николай Черкасов передразнивал нескладную походку тощего верзилы Пата. Он и сам был худ и длинен.

Петр Березов с его тоненькой тросточкой и неповторимой подпрыгивающей чаплиновской походкой тоже очень был похож на своего знаменитого киногероя. И я, приземистый, плотный, стал партнером «Пата» и «Чаплина». Мы изощрялись один перед другим в шутовых движениях, уставляя что-то вроде перепляса. В танце было больше собственной выдумки, чем настоящих танцевальных па.

— Кстати, вскоре с Черкасовым вы встретились на профессиональной сцене — в спектакле Театра юных зрителей «Дон Кихот».

— Да. Черкасов был прямо рожден для этого образа. По рисунку роли, по внешнему сходству это был настоящий Рыцарь Печального Образа. Каждое его движение, всякая поза были стилизованы, условны, но они рисовались художником, который прекрасно чувствовал и понимал свою задачу. Я в спектакле играл роль Санчо Панса.

— Борис Петрович, а как вошло в вашу жизнь кино?

— Мальчишкой пришел я в первый раз в жизни на сеанс кинематографа и был потрясен чудом, которое совершалось на моих глазах.

Много позже очень захотелось попасть в кино, приобрести к чуду. Видимо, желание было таким энергичным, что судьбе пришлось подчиниться, и предоставить мне эту возможность... В 1928 году меня-таки позвали сниматься! Картина называлась «Родной брат». Роль была по мне — играл молодого крестьянского парня, приехавшего в большой город.

Тем не менее кинороль не удалась мне. И все-таки неудача не оттолкнула меня от кино.

— Ваш Максим стал неотъемлемой частью духовной жизни народа, воспитал не одно поколение молодежи...

— Появление Максима на экране растянулось на три периода — не по задумке авторов, а по желанию тех, кто смотрел его из зрительного зала.

Многочисленные письма, телефонные звонки были такими убедительными и настойчивыми, что режиссеры приняли решение снять вторую, а затем третью серию фильма, а мы, группа актеров, хоть и занимались какими-то делами, но жили в постоянной готовности к тому, что вновь примемся за продолжение истории нашего героя.

Подсчитали мы время трудов своих, вышло — шесть лет отдали на то, чтобы представить людям биографию Максима. Вспоминаются эти годы как од-

ни из самых ярких и счастливых.

— А одна из ваших любимых театральных ролей?

— Любимых ролей, как вы угадали, у меня много. Из последних работ это и Флор Федулыч Прибытков из «Последней жертвы» А. Н. Островского, и Распутин из «Заговора императрицы»... А один из самых любимых — роль Агабо Богверадзе в спектакле по пьесе О. Иоселиани «Пока арба не перевернулась». Агабо так учит своих детей: «Если ты идешь пустой, а рядом человек тащит две сумки — возьми у него одну. Не обязательно из-за этого сворачивать с дороги, но пока вам по пути — помоги ему. Загляни ему в глаза, и если он в чем-либо нуждается, ты это поймешь». Агабо в полной мере может называться героем нашего времени, потому что живет по законам, которые мы должны учитывать сегодня.

— Борис Петрович, поделите своим актерским опытом. Как же удается не повторяться в ролях?

— Каждый персонаж, которого доводилось мне изображать, пытался наделять особым характером, манерой и внешностью. Откуда бы мне и взять их, если бы не копилка с воспоминаниями о виденных мною людях.

И еще, что очень важно: нужно чаще встречаться с людьми разных профессий — колхозниками, рабочими, солдатами, молодыми и старыми, людьми добрыми и злыми, умными и глупыми. Только тогда можно подметить характерные черты их поведения, тогда легче будет трудиться над созданием каждого нового образа.

— Вы являетесь председателем созданного при ВТО центрального совета по работе театров на селе. Как обстоят дела в этом направлении?

— У сегодняшних селян есть все возможности приобрести к искусству, расширить свой кругозор, духовно вырасти. Теряет свое значение географическая удаленность от больших центров культуры, эстетические запросы людей все чаще удовлетворяются прежде всего непосредственно на месте. Культурное обслуживание села перестало быть лишь шефским, то есть зависящим в какой-то мере от доброй воли театральных руководителей, а следовательно, не застрахованным от различных случайностей.

Теперь дело обстоит иначе. Каждый краевой и областной театр при составлении текущего репертуара планирует также определенную часть своих спектаклей для села и на селе. Планирует поездки, гастроли, выездные спектакли. Были времена, когда репертуар для села рассматривался как некий весьма обремененный — и качественно, и количественно — вариант. Почему-то считалось, что деревенскому жителю не может быть интересна и понятна так называемая «городская» проблематика. А если так, то шедевры мировой классики, прекрасные советские пьесы в репертуар, вывозимый на село, не включались; мол, вдруг не поймут. Сейчас многое переменялось, стирание граней между городом и деревней все больше осуществляется и силами искусства. Стало понятным, что в подлинных художественных произведениях нет проблем сугубо городских и сугубо деревенских. И сегодня уже никого не удивляет, что на селе играют Шекспира, Лопе де Вега, Чехова, Оскара Уайльда... Теперь уже можно говорить о воспитании, а не об обслуживании сельских зрителей средствами театрального искусства.

— Борис Петрович, как чувствуете себя на пороге своего восьмидесятилетия?

— Посмотреть на меня со стороны — странно покажется: старик, у которого сил стало намного меньше, чем прежде, а значит, и возможности уменьшились в несколько раз, живет надеждой на будущее. Отваживаясь мечтать; мол, успею еще сделать нечто более сильное и значительное, чем удалось создать в годы, когда был в расцвете своих сил.

Таков уж мой характер. Хотя я убежден: вообще так устроен человек — пока жив, тянется к тому, что впереди, что еще должно случиться.

На что же я-то надеюсь? На то, что увижу в мире такое, чего не видел, узнаю, чего еще не знал, услышу неслыханное и передам людям. Как это прекрасно — открывать новое, узнавать даноше и знакомое старое и вливать дальше и дальше и чувствовать, что причастен к великому, неудержимому движению жизни.

Беседу вел С. ИВАНОВ.